

КЕНТАВРЫ, ГАНДХАРВЫ, ЦЕРБЕР И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ КОРНИ: О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ КОНТАКТАХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ДРЕВНОСТИ

Л.И. Куликов

НИУ «Высшая школа экономики», Гентский университет
kulikovli@googlemail.com

1. Кентавры и гандхарвы

Греческое слово *κένταυρος* представляет собой этимологическую загадку (Chantraine 1968: 515). Единственное сопоставление за пределами греческого было предложено ещё А. Куном (Kuhn 1852), который сравнил *κένταυρος* с индоиранской (ведийской) формой *gandharvá-*, обозначающей одно из самых загадочных существ индоиранского мифологического пантеона, довольно опасное для человека (по данным древнейших ведийских текстов, Ригведы и Атхарваведы).

Происхождение формы *gandharvá-* также неясно; А. Лубоцкий (Lubotsky 2001) включает эту форму в число общеиндоиранских форм, не имеющих надёжной индоевропейской этимологии и, возможно, заимствованных из неизвестного языка носителей культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (ВМАС, конец III — нач. II тыс. до н. э.), располагавшейся непосредственно к югу от андроновской, с которой обычно отождествляются протоиндоиранцы.

Несмотря на фонетическую несостоятельность этого сравнения (др.-гр. *κ* не может соответствовать вед. *g-*, др.-гр. *τ* — вед. *dh-*, и т. д.)¹, целый ряд признаков, общих для этих двух классов существ, указывают скорее на родство, нежели на случайное совпадение. Подробному анализу этого параллелизма посвящена специальная работа Куликов 2021, поэтому ниже я лишь кратко перечислю черты, общие для кентавров и гандхарвов: 1) терио- и ме-

---

¹ Неудачей закончились попытки соотнести индоиранские и греческие формы (наиболее известна работа Dumézil 1929).

таморфизм (они являются оборотнями и/или териоморфами, в частности вед. гандхарвы могут принимать различные облики, являясь то болотными огоньками, то собакой или обезьяной, то пригожим юношей, соблазняющим чело-веческих женщин; рефлексы др.-ир. формы *gaṇḍarəṣa-* в памирских языках обозначают оборотней, ср. шугн. *žindūrν*); 2) эквивальность (лошадиная природа) как особый тип териоморфизма (ср. скр. форму *kiṇnara-*, вероятно, восходящую к тому же источнику, что и *gandharvá-*, и обозначающую небесных музыкантов, изображаемых полулюдьми-полуконями); 3) гиперсексуальность и сексуально агрессивное поведение (ср. имя бога любви *Kandarpa* в кл. санскрите — вероятно, еще один рефлекс той же гипотетической праформы (Barnett 1928: 704)); 4) инцестуальные отношения и «субститутные» браки, в которые вступают (или хотят вступить) связанные с гандхарвами/кентаврами родственными узами мифологические персонажи (ср. индоиранский миф об инцесте близнецов Ямы и Ями, рожденных, согласно РВ 10.10.4, от союза гандхарвы и апсары; пример «субститутного» (замещающего) брака — союз Иксиона и Нефелы (подменяющей Геру), от которого родились кентавры, и брак иранского Йимы/Джамшида, супругой которого становится демоница (пери) — вторичное замещение инцеста в исходной версии общеиндоир. близнечного мифа); 5) связь с водной стихией (реками, болотами). Всё это свидетельствует о том, что формы *kéntavros* и *gandharvá-* (вместе с вариантами *kandarpa-* и *kiṇnara-/kinnara-*, указывающими на ряд вторичных этимологизаций), видимо, восходят к одному *Wanderwort*, являясь независимыми заимствованиями из одного источника — неизвестного неиндоевропейского языка (или группы родственных языков), который был в контакте как с (прото)греческим, так и с праиндоир. языками. С учетом всех перечисленных выше вариантов гипотетический источник обсуждаемых форм можно приблизительно восстанавливать как **KVnDVr(u)-*.

Ряд авторов предлагали искать источник *kéntavros* и *gandharvá-* в ближневосточных мифологиях, в частности в касситской традиции (Lawrence 1994: 57; Maturo 2014), где мы находим целый ряд гибридных существ (в том числе крылатых кентавров). Несмотря на то, что сведения о языке касситов (несомненно неиндоевропейском, и, возможно, связанном с хуррито-урартскими языками, см. Schneider 2003, и тем самым, согласно гипотезе Дьяконова-Старостина, с восточной ветвью северокавказской макросемьи)², правивших Вавилоном во II тыс. до н. э., крайне скудны (Jaritz 1957), обнаруживается по крайней мере одна форма, которая может иметь отношение к гипотетическим

² См., в частности, Иванов 2007: хх–ххi. Предположение о контактах касситов с индоиранцами подтверждается несколькими касситскими именами, заимствованными из индоиранского.

источникам обсуждаемых форм — кассит. *gaddaš* (*gandaš*, *g^yan^dz-*; см. von Soden 1966: 82; Schneider 2003: 324³) ‘царь’, являющееся также именем первого касситского правителя. Эту форму иногда сопоставляют с хаттским *katte* ‘царь’⁴, но еще интереснее кажется сравнение с сев.-кавк. реконструкцией (NCED 714) **kwVnVtV* (*!*kwVnVtV*) ‘мужчина, герой’ (пранах. **kanat*; ав.-анд. **k^winṭa*; чеч., инг. *kant*; ср. также чам. *kwinṭa-ḷi* ‘пенис’). С.В. Кулланда (2012: 411) предлагал рассматривать индоиранскую форму как восходящую к гипотетическому протонахскому сложному слову **kan(a)t* ‘юноша’ + **bāri* ‘банда’, но вторая часть сравнения представляется сомнительной не только по фонетическим причинам (вызывает сомнения возможность «озвончения **t* и развития придыхания в индоарийском под влиянием звонкого увулярного фрикативного **b*»), но и в связи с тем, что изначально Гандхарва был, вероятно, одиночным персонажем, и лишь в более поздней мифологии (по-видимому, начиная с Атхарваеды) этим термином начинает обозначаться целый класс существ.

Географическое расположение касситов примерно на полпути между греками и гипотетической прародиной индоиранцев делает размещение источника *gandharvá-/κένταυρος* в этой части Азии весьма вероятным. Тот факт, что родиной греческих кентавров считается Фессалия, то есть один из восточных регионов Греции, может служить дополнительным подтверждением гипотезы о прибытии предка (прото)кентавров в Грецию с Востока — вероятнее всего, через северную Анатолию.

2. *kéśa-* ‘(курчавые) волосы’ и волосатые гандхарвы

Еще одна форма, заслуживающая упоминания именно в контексте гипотетических сев.-кавк. связей кентавров/гандхарвов, — индоиранское слово со значением «волосы»: вед. *kéśa-* ‘волосы’, авест. *gaēsa-* ‘курчавые волосы’. К возможным соответствиям за пределами индоиранского относят лат. *caesariēs* ‘пышные кудри, длинные волосы’, однако возведение их к единой и.-е. пра-

³ Особый интерес представляет форма **kundarum* (в ^d*Marduk-ku-un-da-rum* «Мардук — царь»). Van Soden (1966: 82) объясняет эту форму как предполагаемое неправильное прочтение **kundaš*, учитывая что *rum* и *aš* передаются одним и тем же клинописным символом. Тем не менее, принимая во внимание разительное сходство **kundarum* (ср. в особенности заключительное *-ru-!*) с гипотетическим источником *κένταυρος*, *gandharvá-* и т. д. (**KVnDVr(u)-?*), было бы заманчиво предположить, что это (неправильное?) прочтение могло послужить источником обсуждаемых форм.

⁴ Которое, вероятно, имеет соответствие в празападнокавказском; В.А. Чирикба (Chirikba 1996: 424) сопоставляет его с общеабх. **qada* ‘глава, предводитель, лидер, вожак’.

форме связано с серьезными формальными трудностями (de Vaan 2008: 81–82), а вариативность начального согласного (вед. *k-* / авест. *g-*) в индоиранском наводит на мысль о заимствовании из неиндоевропейского источника. С.В. Кулланда (2012: 406–407) предположил для индоир. форм восточнокавказское происхождение, сопоставив с ними прапах. **qēs* ‘грива’, для которого NCED 468 реконструирует вост.-кавказ. праформу **GwēžV* ‘длинные волосы, грива’. Хотя предположение Кулланды, возможно, требует корректировки (см. Гусейнов 2019), сходство индоиранских и кавказских форм слишком примечательно, чтобы квалифицировать его как случайное. Речь, возможно, идет о заимствовании из некоторого языка, близкого к вост.-кавказ. ветви, хотя и не входящего в ее состав — вероятно, именно таков статус хуррито-урартских языков (см. выше). Интересно, что различие между рефлексами начального согласного в индоарийском и иранском (*k-/g-*) обнаруживает параллелизм с вариацией, засвидетельствованной для форм, связанных с обозначениями гандхарвов: др.-иранский материал фиксирует только рефлекс *g-* (*gandarəβa-*), в то время как в индоарийском мы находим несколько вариантов, как с начальным *g-* (*gandharvá-*), так и с *k-* (*kandarpa-* и *kiṃnara-/kinnara-*); таким образом, формы с *k-* могут быть ближе к гипотетической праформе, подвергшейся вторичной этимологизации в случае *gandharvá-* (← *gandhá-* ‘запах’?).

Особый интерес представляет тот факт, что вед. *keśa-* (~ **GwēžV* ‘грива’?) и его производные встречается в тех контекстах, где упоминается гандхарва⁵, таким образом косвенно указывая на его (полу)эквивалентную природу⁶.

3. Др.-гр. κέρβερος, древнеиндийские параллели и их происхождение

Еще одно существо низшего пантеона, заслуживающее упоминания в данной статье, — др.-гр. κέρβερος (Цербер — трёхголовый пёс, охраняющий выход из царства мёртвых), часто сравниваемый с рядом схожих скр. форм, для большинства из которых засвидетельствовано значение «пятнистый, пестрый» и т. п. (иногда в совокупности с желтоватой и/или коричневатой окраской), хотя некоторые из них зафиксированы только древнеиндийскими лексикографами и не встречаются в текстах. К ним относятся формы как с начальным *k-* (такие как *karbura-*, *karbara-/karvara-/karbūra-* ‘пятнистый, пестрый; тигр; золото; аурипигмент (серный мышьяк)’ и т. д.), так и с начальным *ś-*. К последним относятся *śabala-* ‘пятнистый, пестрый’ (один из

⁵ Например, в АВ-Шаун. 4.37.11 ≈ АВ-Пайпп. 12.8.6 *kumārāḥ sarvakeśakāḥ / priyó dṛśá iva bhūtvā́ 'gandharvāḥ sacate strīyaḥ* ‘...становясь словно приятный на вид юноша, [покрытый] волосами всех видов [т.е. половозрелый], гандхарва преследует женщин’.

⁶ Следует также упомянуть демона в облике коня Кеши (*keśin-*) в индийской мифологии.

двух псов бога Ямы, охраняющих вход в царство мертвых) и *śárvar[a]*- (с неясным значением, о котором ниже); *ś*-формы засвидетельствованы начиная с Ригvedы. *śárvara*- встречается всего один раз (форма от основы жен. рода *śárvarī-*) в гимне Марутам: *té syandrāso n_aókṣāṇó a_{ti} śkandanti śárvarīḥ* (PB 5.52.3ab). Интерпретация гапакса *śárvarīḥ* как формы со значением ‘ночи’ (вин.п. мн.ч.), принятая в большинстве переводов (напр. Jamison and Brereton (2014: 728): ‘They, like streaming bulls, spring across the nights’), связана с рядом проблем. В ранних работах, в частности, в Большом Петербургском словаре, это слово переводилось как “die bunten Thiere der Marut(s)” (Böhtlingk/Roth, PW VII, 105). В работе Kulikov 2009 я показал, что Маруты могут ассоциироваться с гепардами (или леопардами); таким образом, этот фрагмент можно предположительно перевести как «они [= Маруты] покрывают *шарвари* = самок пятнистых животных (?) [= самок гепардов (?)]». Перевод ‘гепард’ кажется предпочтительным для *śárvara*- (так же, как и для еще одного ведийского слова с неясным значением, *piśá-* букв. ‘пёстрый’) не только потому, что это единственная разновидность кошачьих, для которого мы не знаем ведийского названия, но и потому что в Индии гепарды использовались как охотничьи животные, что косвенным образом поддерживает их сравнение с кёрберос.

Обе группы форм, на *ś*- и на *k*-, могут быть соотнесены с предполагаемым греческим соответствием кёрберос (← ‘пятнистый?’ пёс’): первая (более архаичная?) требует реконструкции начального палатовелярного **k̥-*.

Как и в случае кένταυρος/*gandharvá-*, разнообразие рефлексов предполагаемой праформы позволяет лишь предположительно восстановить общий источник названных форм (**K^(ʷ)erBerV-?*) и, по-видимому, также указывает на независимые заимствования из одного неиндоевропейского источника. Обращение к сев.-кавказскому словарю позволяет найти хорошее соответствие — это форма **čarbV* (*/*bārčV* (~ *č*)) (NCED 341), обозначающая породу собаки; ср. ав.-анд. **čiba* (~ *-o*) ‘сука’; хварш. *čeba* ‘сука’; лезг. **p:arč-* ‘ищейка’, таб. *barči*⁷. Не исключено, что этим термином обозначалась порода, близкая кавказской овчарке, для которой достаточно характерны и пятнистость, и коричневатый окрас. Форма *śábala-* могла быть заимствована из языка, утратившего

⁷ Гипотеза о сев.-кавказском происхождении обсуждаемых и.-е. форм может подсказать объяснение предполагаемой в NCED метатезы (**čarbV//*bārčV*): не следует ли реконструировать рифмованную редупликацию (кёрбер-, *śárvar-*), наблюдаемую в языке-реципиенте, но не засвидетельствованную в вост.-кавказских языках (родственных языку-донору), где мы находим либо только основной корень/основу, либо только слог редупликации? Здесь уместно будет вспомнить об интересных наблюдениях в недавней работе А.А. Кибрика и Т.А. Майсака (2021: 38–40), указывающих на целый ряд явлений (в частности, в дагестанских языках), сигнализирующих о хезитации, среди которых одним из важнейших является повтор.

сонант перед *b* и, возможно, попала в Ригведу через диалект древнеиндоарийского, где *r* переходило в *l*: *śábalā-* < **śábara-*.

4. Заключительные замечания

Контакты индоевропейцев с северокавказскими языками давно привлекают внимание лингвистов и историков (см. Николаев 1985). К предполагаемому северокавказским языкам относят сближаемые с зап.-кавк. ветвью языки хаттов и (слабо известных) касков, в то время как с вост.-кавк. ветвью сопоставляют хуррито-урартские языки. Сюда же, возможно, относится слабо засвидетельствованный касситский — во всяком случае, перспективным представляется поиск сопоставлений типа кассит. *gaddaš* (*gandaš*, *g^van^dz-*) ~ вост.-кавк. **kwVñVtV*. Следует отметить, что все перечисленные выше сопоставления соответствуют реконструкциям, восстанавливаемым только на вост.-кавк. уровне — вероятно, именно с этой ветвью контактировали индоиранцы. Возможно, именно этими контактами объясняется примечательная особенность индоиранских языков — ослабление фонологической оппозиции *r/l* и переход *l > r* (повсеместно в иранском и частично — в индоарийском): такое же явление характерно для целого ряда вост.-кавк. языков (в частности, для аваро-андийских и цезских; см. Николаев 1985: 68).

Богатый материал для сравнения может также содержать терминология низшего мифологического пантеона: названия мифических существ, демонов и т. п.

Л и т е р а т у р а

- Гусейнов Г.-Р. А.-К. 2019. Еще раз к проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. Заметки на полях одной публикации. *Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И.М. Тронского)*, № XXIII, 239–246.
- Иванов Вяч. Вс. 2007. О статьях С.А. Старостина. В кн.: С.А. Старостин. *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур, viii–xxviii.
- Кибрик А.А., Майсак Т.А. 2021. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований. *Rhema*, № 2, 23–45.
- Куликов Л.И. 2021. Индоир. *gandharvá-* и его (не)индоевропейские родственники: сравнительно-мифологические заметки. *Родной язык*, № 1 (Спец. вып., посвященный 90-летнему юбилею Дж.И. Эдельман), 256–277.
- Кулланда С.В. 2012. К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. *Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И. М. Тронского)*, № XVI, 406–415.

- Николаев С.Л. 1985. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. В кн.: *Древняя Анатолия*. М.: Наука, ГРБЛ, 60–73.
- Barnett L.D. 1928. Yama, Gandharva, and Glaucus. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, vol. 4, no. 4, 703–716.
- Böhtlingk O., Roth R. 1855–1875. [PW] *Sanskrit-Wörterbuch*. St. Petersburg: Eggers.
- Chantraine P. 1968. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Klincksieck.
- Chirikba V.A. 1996. *Common West Caucasian: the reconstruction of its phonological system and parts of its lexicon and morphology*. Leiden: Research School CNWS.
- Dumézil G. 1929. *Le problème des Centaures: étude de mythologie comparée indo-européenne*. Paris: Geuthner.
- Jamison S.W., Brereton J. P. 2014. *The Rigveda: the earliest religious poetry of India*. Vol. 1–3. New York: Oxford University Press.
- Jaritz K. 1957. Die kassitischen Sprachreste. *Anthropos*, Bd. 52, H. 5–6, 850–898.
- Kuhn A. 1852. Gandharven und Kentauren. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen (KZ)*, Bd. 1, 513–542.
- Kulikov L. 2009. Vedic *piśá-* and Atharvaveda-*Śaunakīya* 19.49.4 = Atharvaveda-Paipalāda 14.8.4: A note on the Indo-Iranian bestiary. *Journal of Indo-European Studies*, vol. 37, no. 1&2, 141–154.
- Lawrence E.A. 1994. The centaur: Its history and meaning in human culture. *Journal of Popular Culture*, vol. 27, no. 4, 57–68.
- Lubotsky A. 2001. The Indo-Iranian substratum. In: C. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 301–317.
- Maturo M. 2014. “Uomini-cavallo”: genesi, elaborazione e memoria iconografica della figura del centauro, alcuni esempi. *Acme*, vol. 67, no. 2, 7–40.
- NCED 1994 — Nikolayev S.L. and Starostin S.A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Schneider T. 2003. Kassitisch und Hurro-Urartäisch: Ein Diskussionsbeitrag zu möglichen lexikalischen Isoglossen. *Altorientalische Forschungen*, Bd. 30, 372–381.
- von Soden W. 1966. Zu einigen kassitischen Wörtern. *Archiv für Orientforschung*, Bd. 21, 82–83.
- de Vaan M. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden: Brill.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

